

— Не знаю, — Янь Хан забрал у него телефон, отложил в сторону, приподнял его подбородок за лицо и посмотрел прямо в глаза. — Сяо Гоу?

— Э-это... это мой папа... звонил? — Чу И смотрел на него. — Это он?

— Не знаю, — тихо ответил Янь Хан. — Может, ошиблись номером.

— А поче-чему, поче-чему они мол-лчали? — голос Чу И всё ещё подрагивал.

Янь Хан промолчал, протянул руки и крепко прижал его к себе:

— Ничего страшного. Да какая разница, кто там был? Главное, что сейчас ты в порядке, не забивай себе голову другими.

— Угу. — Чу И обнял его за талию.

Его руки прижались к гладкой коже Янь Хана — тёплой и надёжной. Он закрыл глаза, стараясь выровнять дыхание, и постепенно успокоился.

— Чу И, — Янь Хан отстранился и посмотрел на него.

— Угу. — Чу И тоже смотрел на него.

— Не накручивай себя, — сказал Янь Хан. — Понял?

— Угу. — Чу И кивнул.

— Раз обещал, значит, должен сдержать слово.

— Угу. — Чу И улыбнулся.

— Спи давай, — Янь Хан похлопал его по щеке. — Некоторые вещи можно только переждать. Живи тем, что есть сейчас.

— Угу, — отозвался Чу И.

Когда они выключили свет и легли, Чу И очень осторожно придвинулся к Янь Хану.

— Завтра будь добр, помоги мне одеяло в пододеяльник заправить, — сказал Янь Хан. — Пора уже сменить на большое.

— Угу, — Чу И повернулся на бок, глядя на него. — А ты разве не го-говорил, что ра-рана зажила?

— Ну да, а что? — Янь Хан повернул голову.

— Тогда по-почему ты не мо-можешь сам за-заправить? — спросил Чу И. — Значит, не за-зажила.

— Дурачок, — сказал Янь Хан. — Я просто не хочу этого делать. На свете нет ничего более ненавистного, чем заправлять одеяла.

— Но я то-тоже не на-навижу это де-делать, — ответил Чу И.

— Ну, тут уж ничего не попишешь, придётся тебе стиснуть зубы и потерпеть, — сказал Янь Хан.

— Издеваешься? — Чу И вздохнул.

— А как же, — усмехнулся Янь Хан. — Кого мне ещё гонять, если не тебя?

— ...Ладно, — выдохнул Чу И. — У меня даже уши от возмущения поникли.

— Вали отсюда, — рассмеялся Янь Хан и потянул его за ухо. — Дай-ка посмотрю, поникли или нет.

Кончики пальцев Янь Хана были прохладными, но, когда он коснулся мочки уха, Чу И почувствовал разливающийся по телу жар, смешанный с приятной дрожью. Он не сводил с Янь Хана глаз.

Сегодня шторы на балконе были задёрнуты не до конца, и сквозь щель пробивался лунный свет. Лицо Янь Хана тонуло в полумраке, но его очертания оставались чёткими и мягкими. Чу И казалось, что лёгкое прикосновение губ Янь Хана, которое случилось днём, до сих пор ощущается на его собственных губах.

Он резко подался вперёд, совершенно не осознавая, чего хочет и что делает. Только когда он прижался к губам Янь Хана и зубы стукнулись о зубы, он замер, оцепенел всем телом.

— Чёрт, — невнятно выругался Янь Хан, видимо, ударившись.

Чу И охватила паника.

Всё!

Я сошёл с ума!

Я труп!

Лучше бы я прямо сейчас взял и умер!

Раз — и готово! Скорее бы!

Чу И опирался на руки, собираясь отстраниться, пока Янь Хан его не прибил. Но стоило ему приподняться, как рука Янь Хана обхватила его за шею, а колено поддело его, опрокидывая набок.

Он растянулся на спине, и перед глазами пронеслось не меньше двадцати способов, которыми Янь Хан мог бы его проучить. Когда Янь Хан навалился сверху, продолжая сжимать его горло, Чу И подумал, что, должно быть, он — первый в мире «Сяо Гоу», которого придушили за то, что он вздумал целоваться, перепутав таблетки.

Когда губы Янь Хана снова коснулись его, он даже не успел прийти в себя.

В глазах потемнело, дыхание перехватило. Непонятно, от нервов или от того, что Янь Хан перекрыл ему кислород. Но даже в этом тумане Чу И чувствовал жар, исходящий от тела Янь Хана. Его мозг отказывался работать: он ещё не успел осознать ни «Боже, я сошёл с ума и поцеловал Янь Хана», ни «Всё кончено, меня сейчас убьют», как вдруг оказался полностью окутан его дыханием.

И разум, и тело словно нажали на кнопку «пауза» — он превратился в статую. Лишь крошечный островок сознания отчаянно сопротивлялся окаменению.

Губы Янь Хана были мягкими, его прерывистое дыхание обдавало лицо теплом, а ладони, задиравшие его одежду вверх, казались обжигающими, несмотря на прохладные пальцы.

А ещё язык. Кончик языка Янь Хана, скользнувший между губ — влажный и нежный. Остатки сознания были не в силах обработать этот поток ощущений, дыхание будто исчезло где-то в глубине души.

Только когда Янь Хан, не добившись успеха в попытке проникнуть языком между зубов, хлопнул его по лицу, Чу И резко очнулся.

Ощущения, словно прилив, захлестнули его с головой. Он услышал своё собственное сбивчивое дыхание, почувствовал руку Янь Хана, скользнувшую ниже, и осознал, что сжал челюсти так крепко, будто пытался защититься от яда.

У Янь Хана были красивые руки. Ему даже не нужно было смотреть — достаточно было воображения и чувств, чтобы в деталях представить, что сейчас делают его пальцы. От электрического разряда, пронзившего всё тело, Чу И не смог сдержать стон, даже закусив губу.

Дальше описывать происходящее он уже не мог, да и сопротивляться был не в силах. Даже когда Янь Хан откинул одеяло и спрыгнул с кровати, Чу И всё ещё пребывал в полузабытьи.

— Укройся, — бросил Янь Хан, направляясь к выходу из спальни.

— А? — отозвался Чу И.

Он совершенно не понял, что сказал Янь Хан. Все его чувства, весь интеллект были скованы мощным возбуждением, охватившим тело.

Янь Хан больше ничего не сказал и вышел из комнаты. Чу И лежал на кровати — ничего не видел, ничего не слышал, в ушах стоял гул. Он не мог сообразить, куда ушёл Янь Хан, зачем, и даже где он сам находится и что произошло.

Янь Хан вошёл в ванную и закрыл дверь. Свет включать не стал. В тесном тёмном пространстве было слышно лишь его собственное тяжёлое дыхание. Всё случилось так внезапно — он чувствовал, что Чу И был в полном шоке.

Да и сам он был не в лучшем состоянии. Но сейчас некогда было размышлять — нужно было кое-что уладить. На самом деле, можно было и в постели, источник возбуждения был совсем рядом, так было бы даже приятнее. Но всё же оставалось какое-то необъяснимое чувство стыда, поэтому он в итоге выбрал ванную, даже не рискнув зажечь свет.

Наверное, это был самый удивительный «полёт» за все годы, что он себя знает.

Закончив, он включил свет, чтобы умыться, и, опираясь руками о раковину, посмотрел на своё отражение в зеркале.

А он... ничего такой. Симпатичный.

На лице читалось явное «было круто». Бесстыдство в чистом виде.

Янь Хан сполоснул лицо и, не вытирая капель воды, вернулся в спальню. В комнате по-прежнему было темно, лишь свет луны пробивался сквозь щель в шторах. Было видно, что Чу И всё так же лежит на кровати, не шелохнувшись, даже не укрывшись одеялом. Одежда задралась до самой груди.

Он тихо вздохнул, подошёл к кровати, опустился на колени, опираясь рукой о матрас, и мягко погладил Чу И по лицу:

— Сяо Гоу?

— Угу, — отозвался Чу И.

— Всё в порядке? — спросил Янь Хан.

— ...А. — Чу И снова ответил, голос его слегка охрип.

— Я же просил укрыться. Отопление ещё не дали, — сказал Янь Хан и потянулся за одеялом, чтобы накинуть его на живот парня.

— Не надо, — тихо сказал Чу И.

— М? — Янь Хан остановился и поправил его одежду.

— Мне... — Чу И заворочался и с трудом произнёс: — Мне нужно поменять... штаны.

— О, — Янь Хан едва сдержал улыбку. — Может, дать тебе свои?

— Хорошо, — кивнул Чу И.

— Я свет включу, ладно? — сказал Янь Хан.

— Давай пока... не надо, — попросил Чу И.

— Ладно. — Янь Хан легонько провёл пальцем по его переносице.

Найдя в шкафу одежду, он обернулся и увидел, что Чу И уже сел, скрестив ноги, и опустил голову.

— Держи, — Янь Хан протянул ему вещи.

Чу И взял одежду, слез с кровати и быстро выскочил из спальни, скрывшись в ванной.

Янь Хан усмехнулся и всё-таки включил свет. Оглядел кровать — кроме того, что простыня немного смялась, ничего необычного, никаких следов. В конце концов, Чу И всё время был в штанах.

Он надел тёплую домашнюю куртку, взял сигарету и вышел на балкон.